Ноябрь 1992 г.

Н.А. Натаров

«Синдром экономического мышления» в социально-интеллектуальной атмосфере экономического отчуждения

(*Из философских писем к современникам об основных идеях теории реформ*)

Вся наблюдаемая в эти дни 1992 г. так называемая реформаторская активность отличается двумя признаками: 1) верой в то, что сложившееся в нашей стране общество можно в относительно короткие исторические сроки вывести на достойный уровень «*благосостояния*», и 2) надеждой, что это можно сделать *экономическими* методами и средствами.

Таковы эти два постулата, являющиеся на самом деле ложными. В предлагаемых читателям философских письмах идёт поиск установок *действительных* реформ и обращено внимание на то, что:

1) Россия оказалась в своём сегодняшнем кризисе НЕ в результате *только* экономических обстоятельств, а вследствие многообразных причин, действовавших как собирательная сила; поэтому и выход из сегодняшнего социально-исторического тупика не может быть только экономическим (и не может быть проведённым на основе зависимых от экономики факторов: политики, права, национальных чувств и т.п.), а требует *действительного* мышления;

2) что понимание будущего состояния России надо сочетать и осмысливать в связи с будущим человечества, с тенденциями, которые ведут к этому будущему, с концепцией будущего. А это БУДУЩЕЕ предполагает совершенно иное состояние БЛАГА, нежели то «*благосостояние*», которое подразумевают наши уважаемые экономисты. Ситуация, в которой оказалось наше общество, объективно требует от нас не просто достижения экономической эффективности, но решения сверхзадачи: снятия отчуждения, не просто решения традиционных утилитарных задач, но – задач формирования новой типологии деятельности и дееспособности. А это означает метаэкономический уровень. Перед нами – не просто ровный путь, а спиралевидный, невиданный в истории, требующий нетрадиционных методов и развития человека, сущностный «перелом» в способе жизни, который делает приоритетными совсем другие ЦЕННОСТИ, чем ТЕ, которые витают в сознании наших уважаемых экономистов, полагающих, что ИХ концепция ценностей и целей реформы, сосредоточенная на рыночных феноменах и процедурах, имеет решающее и вечное значение.

3) Обращено также внимание, что экономика в качестве «двигателя» реформ есть, в сущности, некоторая абстракция, прибегая к которой, не различают, что экономика, с одной стороны, имеет свои «возрастные особенности» в разных странах (то есть опирается на различный экономический опыт народов различных стран), а с другой, экономисты-реформаторы упускают, что «экономика» неоднозначна, так как отличается каждый раз своеобразной национальной диалектикой субъекта и объекта; таким образом, экономика не вечна, как и всё на свете и неоднозначна как сила, на которую вознамерились возложить надежды.

Уж всем известно, что без протестантской этики и без западноевропейского психологического склада личности и своеобразного западноевропейского менталитета двинуть у нас экономический (товарно-финансовый) процесс весьма затруднительно. И думается, что совершенно прав академик Александр Панченко, заявляющий, что «быть богатым на Руси стыдно» (см. «Культура», 14 ноября 1992 г., с. 12). «Эту мысль, – продолжает он, – можно сколько угодно проповедовать, но принять её невозможно» (там же);

4) Надо также принять во внимание особый психологический климат России конца XX века, прежде всего влияние нашей недавней 73-летней истории на народную душу, а также

современное влияние достижений науки и технологии, влияние новых социально-культурных факторов на возникающую из всего этого «модель» субъекта реформ. Сегодня диалектика субъекта и объекта выглядит у нас совсем не так, как это было в момент зарождения капитализма, в период возникновения мануфактур в Италии XIV-XVI веков (а ведь эти мануфактуры, собственно, это и есть «зерно» западноевропейской экономики). Это нельзя игнорировать: экономика Запада вырабатывалась веками. А тут пришла команда экономистов и решила «враз» устроить у нас западноевропейскую экономику. И дело не в том только, что, так сказать, «экономика с суконным рылом» намеривается забраться в «калачный ряд».

Дело гораздо сложнее. Дело в том, что в конце XX века *сама экономическая субстанциональность утрачивает фундаментальное значение*, и все обстоятельства складываются так, что впору писать исследование на тему: «Проблема фундаментальности в теории реформирования современного социума».

Наши уважаемые экономисты всё ещё не осознают (не подошли к критическому осознанию) своего собственного сознания, сложившегося у них в период их профессионального становления. Они, сами того не желая, много впитали от того примитивного марксизма (псевдомарксизма), который культивировался в бывшем Союзе ССР и в котором экономика играла роль «универсальной отмычки» ко всем социальным проблемам.

Это началось ещё с В.И Ленина, для которого будущее общественное устройство России (Ленин называл его коммунизмом: так ему казалось, так ему нравилось) представлялось основанным на экономике: «Мы ценим коммунизм только тогда, когда он обоснован экономически» (см. Ленин В.И. ПСС, т. 38, с. 179). Именно Ленин установил у нас «культ экономического развития», культ, который до сих пор составляет пафос интеллектуальной функции наших реформаторов экономистов, не замечающих и не фиксирующих поэтому «видимость человеческого в экономических отношениях», не замечающих *поэтому* (т.е. – вследствие культа экономики), что экономисты-классики «чаще всего берут эти отношения как раз в их явно выраженном *отличии* от человеческого, в их строго экономическом смысле» (см. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т.2, с. 35). Таким образом, Маркс видел строгое отличие *экономического* от *человеческого*, а Ленин – нет, не видел. Не замечая, что экономические отношения бесчеловечны, Ленин полагал основать будущее России («коммунизм») на экономике. И стократ прав Маркс, когда категорически утверждал: «не может быть ничего ошибочнее и нелепее, нежели на основе *меновой стоимости* и *денег* предполагать контроль объединённых индивидов над их совокупным производством» (см. там же, т. 46, ч. I, с. 102. Курсив Маркса). А ведь «на основе меновой стоимости и денег» – это и есть «экономическая обоснованность» ... ошибочная и нелепая с точки зрения Маркса. Так насколько же Ленин мыслил коммунизм и социализм – по Марксу?! Это, между прочим, и вопрос нашим реформаторам, которые, как и Ленин, уповают на экономику! Вопрос, собственно, в том, насколько экономика как сущность «*эффектабельна*», так сказать, насколько она адекватна эпохе как способ действия и способ организации социума на грани XXI века? Ведь ясно же, что стремление обновить Россию экономически, т. е. – «на основе меновой стоимости и денег», активизирует таких демонов стяжания и хищничества, что захлёстывающая *сейчас* нашу страну КОРРУПЦИЯ это ещё «детский лепет» по сравнению с тем, *что будет* (при ставке на деньги и меновую стоимость *как на высшую ценность*!), ибо всё это делает совершенно невозможным «контроль объединённых индивидов» «над их совокупным производством», независимо от того, будут ли их объединять демократы или бюрократы!!

Всё это говорит, что проблема реформ гораздо сложнее, чем кажется, ибо она детерминирована *в фундаментальном смысле гораздо глубже*, чем это представляется нашим уважаемым экономистам (не только сегодняшним, но целым поколениям).

Можно и нужно говорить о «синдроме экономического мышления». Медицинский термин СИНДРОМ означает «стечение» – стечение признаков, характерное для какой-либо болезни. В наше время психо-методологической болезнью стало экономическое мышление, трактующее человека и общество в качестве своеобразных «жрательных механизмов». Экономизм жаждет иметь, но не быть.

Если этого не понять, то можно ещё множество раз, исходя из экономических постулатов, делать что-то экономическое «методом проб и ошибок», терпеть неудачи и не понимать, почему они произошли; и будут растрачены десятилетия, пока не будет осознано, что «синдром экономического мышления» бесплоден.

То, что экономические реформы, осуществляемые экономическими методами – плод больного сознания, плод «синдрома экономического мышления», можно было бы догадаться уже давно... если бы в наличии было сознание здоровое... В самом деле: ведь уже был провал экономических реформ А.Н. Косыгина...

А до этого была неудача с Совнархозами, при посредстве которых Н.С. Хрущёву думалось поправить экономику страны, так как неблагополучие с экономикой существовало всегда. Но при этом всегда сохранялся «синдром экономического мышления», перешагнуть через который никак не удавалось. И не удавалось перешагнуть через него потому, что синдром этот как совокупность признаков не осознавался критически.

«Синдром экономического мышления» включает в себя следующие моменты: 1) неорганические (механико-физико-химические) технологии, 2) соответствующую им систему разделения труда (и, следовательно, весьма скудное и одностороннее развитие личностного творческого потенциала), 3) обмен и меновую стоимость как фундамент всей общественной динамики («общество, основанное на меновой стоимости»[1]. И это до сих представляется столь незыблемым и непреходящим (и доминирующим!), что отнестись к этому критически никто не догадался.

И вот теперь все видят, что реформы Гайдара уже провалились... И провалились они потому, что экономику восхотели экономическими методами реформировать. И так уж сошлось, что в 1991 г. провалился ленинский социализм (коммунизм), который потому ТАК ценим был Лениным, что обосновывался экономически. Обосновывался и... провалился!

Если бы в наличии было бы сознание здоровое, то из трёх слов подзаголовка 1-го тома «Капитала» Карла Маркса (а там написано: «критика политической экономии») можно было усечь, что суть дела не в экономике, а в указанных трёх словах. Но кто у нас помнит, какие там три слова стоят и кто понимает, что вообще они означают? Если уж Ленин, который заметил, что «никто из марксистов» не понял Маркса ½ века спустя» (см. Ленин В.И. ПСС, т. 29, с. 162), сам не понял, что на основе меновой стоимости и денег ошибочно и нелепо предполагать контроль объединённых индивидов над их совокупным производством, т.е. – социализм, то что говорить о современных экономистах, которые, как правило, не проштудировали всей Логики Гегеля и потому не поняли Маркса. – А ведь Ленин утверждал, что социализм – это учёт и контроль; и это сочеталось у него с экономической обоснованностью!!

Психологическое состояние команды Гайдара, да что там – Гайдара, состояние многих, всех политических сил выражается в НАДЕЖДЕ на то, что с присущими в их головах концепциями (= синдромом экономического мышления) можно решить проблемы России конца XX века. Эта НЕДЕЖДА принимается (безосновательно, разумеется), как *надежда* и в качестве ПОСТУЛАТА, и в качестве АРГУМЕНТА.

---

[1] См. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. II, с. 214.

На самом же деле, чтобы действительно реформировать и обновить Россию, необходимо осуществить социально-интеллектуальную революцию в качестве условия успешной реформы. И **первым** существенным признаком революции в интеллекте нашего социума является признание того, что «синдром экономического мышления» – бесплоден.

Чтобы избежать бесплодной траты времени, когда на «экономических аргументах» *надеются* основать завтрашнее процветание (и каждый раз «почему-то» проваливаются со своими надеждами), следует избрать метод социально-философской аналитики и раз и навсегда понять, что экономика в нашу эпоху нам не поможет. Если уж Ленин, которого считают гением, так явно разошёлся с Марксом по вопросу о роли экономики в созидании будущего общества, то что говорить о наших экономистах, воспитанных на ленинском культе экономического развития, в вопросе о понимании будущего?! Если иметь в виду, что полное собрание сочинений Маркса и Энгельса составило бы 400 томов (ИМЭЛ планировал издать его к 2025 году), то – по-новому встаёт вопрос о том, *в какой мере* Ленин знал полное идейное наследие «основоположников»? Окажется, что всего процента на 3-4, что составило бы 12-16 томов.[2] Ясно, что этого крайне мало, чтобы считаться марксистом по тем меркам, которые могут быть предъявлены сегодня. Кроме того надо не только прочесть, но и, так сказать, «переварить», то есть – *достичь высокой концентрации интеллекта* на тех идеях, которые стали доступны из чтения полного собрания сочинений. А на это нужны годы и годы, десятилетия, чтобы осмыслить концептуальный материал во всех связях и опосредствованиях. Необходим долгий век жизни.

Разумеется, что речь идёт в данном случае не о Ленине, который прожил очень мало. Речь идёт о команде реформаторов, о *мере их компетенции* в области социального, гуманитарного и философско-методологического знания и *о степени концентрации ИХ интеллекта* на всех связях и опосредствованиях теоретических и практических проблем... Речь идёт даже не о команде реформаторов, подобранных Гайдаром.

В конечном счёте, суть дела заключается в том, чтобы иметь безупречную методологию, позволяющую реформировать наше общество на переходе в XXI век и совершить переход в новую МЕРУ культуры труда. А это значит – дать практическую критику политической экономии.

Несмотря на все попытки обеспечить экономическое благополучие, наша страна всё никак не может выбраться из старой, глубоко наезженной экономической колеи. Мы всё так же, как и в начале века, экспортируем, главным образом, сырьё и энергоресурсы, но отнюдь не наукоёмкую продукцию. «Перелома» к лучшему не получается (а реформы имеют смысл, если они обеспечат такой «перелом»), потому что детерминация социальной жизни *остаётся экономической* (т.е. рублёво-товарной), и низкие денежные доходы от экспорта сырья не создают финансовых резервов для перехода на более продуктивную модель производства, для внедрения новейших технологий...

Узкий интеллектуально-методологический кругозор экономистов позволяет им видеть ТОЛЬКО производство средств производства и производство предметов потребления. И эти два «подразделения» (группа «А» и группа «В») обусловливают через экономическое руководство, – узкое развитие человеческого творческого потенциала и, – соответственное – «А»–«В»-обусловленное, – узкое развитие труда. И так как экономисты НЕ ВИДЯТ, что (кроме «А» и «В» подразделений) независимым развитием *может* обладать творческая личность и сам социально-деятельный субстрат общественной жизни (= труд), то вся их практики оказывается финансово-экономически суженной и репродуктивно-воспроизводящейся в этой ограниченности.

[2] Если Ленин был 3-процентным марксистом, то критики Маркса находятся не в лучшем положении: они 3-процентные критики.

Напрашивается вывод, что для выхода из тупика надо добывать не только полезные ископаемые и энергоносители (*для производства товаров*) «во глубине сибирских руд» и не только из-под сибирской вечной мерзлоты, но, *главным образом*, искать новые, нетрадиционные «ресурсы» – «в недрах творческой человеческой личности» *и в самой переориентации* ТРУДА с производства товаров – на НОВУЮ ДИНАМИКУ – на становление и реализацию талантов и способностей. Только такая перемена «акцента» (смена приоритетов) в самосознании социального интеллекта и в определении «основной социальной задачи» России поможет нам преодолеть инерцию «синдрома экономического мышления», синдрома, который репродуктивно воспроизводится в силу автоматической и *бездумной ориентации* экономистов и обывателей на производство товаров как на «доминанту всех доминант», как на «приоритет всех приоритетов». В этом главная ошибка.

Надо просто понять, что русский человек живёт (особенно при переходе в XXI век!) не для производства и потребления товаров, и *включить* этот новый («снимающий» экономический синдром) постулат не просто в теорию и практику реформ, но **в социальное мировоззрение.** Реформы будут иметь смысл и эффект, если они обеспечат такую *смену доминанты всей общественной жизни*: от подчинения всего жизненного процесса производству товаров к приоритету, ориентирующему на массовое становление и реализацию талантов и способностей.

Поразительна психологическая доминанта наших дней: все хотят изобилия прекрасных дешёвых товаров (и именно *этого* ждут от реформ!), но никто не озабочен развитием своих способностей и талантов, но именно от решения этой **основной социальной задачи** (гуманистической по смыслу и содержанию) всё, собственно, и зависит!

Действительная проблема заключается в том, какое общество должно возникнуть после (и вследствие) реформ. И коль всё упирается в характер общества, то и реформы должны быть РАНГОМ ВЫШЕ: они должны быть *социально-историческими*. А это значит, что пришла пора избавляться от гипноза, исходящего от профессионального односторонне-экономического объяснения нашего общества.

Вопрос, следовательно, в том, каким должен быть (должен стать) субъект нашей социально-исторической практики.

Вопрос заключается ещё и в том, чтобы осознать, из каких источников (причин, эволюций мысли) родилась сама формулировка «синдром экономического мышления». Какие причины породили убеждение, что «синдром экономического мышления» есть факт, характеризующий болезненное состояние эпохи, «экономическими лекарствами» неизлечимое?

И, наконец, совершенно ясно, что в том положении, в каком находится наша страна и мир в целом, «синдром экономического мышления» нам не поможет, что он у нас должным образом «не сработает».

Есть ряд причин того, что «синдром экономического мышления» «не сработает», т.е. – не даст надлежащего эффекта.

1. «Думать, что русский человек, как англосакс, один миллион заработает, чтобы на нём заработать ещё один – нет, этого не будет», – говорит А. Панченко (см. «Культура», 14/XI-92 г., с. 12). И он прав, ибо это не в духе нации: ценности не те! Стране нужны ценности, адекватные национальному характеру и духу России.

2. В конце XX века у МВФ и Международного банка не хватит денежных ресурсов на возрождение всех национальных экономик. Нам обещали 24 млрд. долларов, но так и не смогли выделить эту сумму. Так что принцип «на основе меновой стоимости и денег» – не сработает.

Поэтому надо ориентироваться НЕ на валютные ресурсы, а на способности и таланты, на новую МЕРУ культуры труда. В XVIII и XIX веках *источником богатства* был признан труд, **производящий товары,** труд как затраты «рабочих сил». В течение XX века, особенно во второй его половине, эта парадигма постепенно (и незаметно) изменилась, и теперь источником «богатства» (совершенно нового по смыслу «богатства») *становится* **труд, производящий способности и таланты.** Произошло становление новой – по социальному смыслу – доминанты, и теперь реформы надо ориентировать не просто на затраты «рабочей силы» на «рабочих местах» в «рабочее время», а на создание социальной, «социально-интеллектуальной технологии», реализующейся в деятельности по *развитию* сущностных сил нового субъекта труда (= субъекта *социально-исторической* практики). Это – проблема более сложная, так как её решение требует «гуманистических сил» (действие которых не перевоплощается целиком в товар), «гуманистически очерченного пространства» (а не просто – «рабочего места») и «гуманистически наполненного времени» (а не просто – «рабочего времени»).

Всё это являет картину более сложную, чем в «теории трудовой стоимости», которую продолжают исповедовать наши уважаемые экономисты.

3. К этому надо добавить новую количественную определённость – то, что в мире с населением в 5,5 млрд. человек действует *такая* масса субъективных интересов, целей, проектов, конфликтов, неразумных решений, невежества и других рассогласованных причин, что в целом *неопределённость* перспектив возрастает по экспоненте, и неопределённость эта является непосредственным результатом экономики и экономической детерминации жизни человечества на новом его «квантовом уровне».

4. К этому надо добавить, что такая масса народонаселения не может не порождать экологических проблем – порождать самим феноменом МАССОВОСТИ людей, ориентирующихся на ложные цели и идеалы: на «высокое потребление» и на стремление «ИМЕТЬ», что само по себе является продуктом экономической психологии, проявлением «синдрома экономического мышления», который ныне обнаруживает свою явную иррациональность.

Эту ситуацию и все связанные с нею негативные следствия можно преодолеть только резким возрастанием МАССЫ талантов и способностей.

Это требует особой программы социально-педагогического содержания и громадной систематической работы по её реализации. Но главное, что надо осознать, так это то, что образовался «синдром экономического мышления» и что **у нас** этот СИНДРОМ сегодня не сработает с необходимым эффектом.